

ческой лексикографии. Отдельные решения при этом неизбежно условны, как, например, порядок, принимаемый автором, при котором сначала идет верхнелужицкое слово, потом — нижнелужицкое; нижнелужицкий открывает словарную статью, если верхнелужицкое соответствие отсутствует (ситуация, кстати, нередкая, когда речь идет о древних образованиях).

При оценке собственно этимологической части словаря нужно иметь в виду, что автор не преследовал далекоидущих целей, но ограничивался «преимущественно внутренней серболужицкой проблематикой» (S. VIII). Это чувствуется и в привлекаемой литературе, и в авторской трактовке общеславянской проблематики. Научное качество нового словаря снижают не эти сознательно налагаемые ограничения, а ряд опечаток и небрежностей, которые так и остались в тексте, несмотря на указания рецензента издательства («wissenschaftlicher Gutachter»), каковым официально является автор настоящего отзыва, что я считаю своим долгом отметить. Ср. напр. с. XI: prehladový, надо: prekladový; с. XII: Jegerov, надо: Jegorov; с. XIII: 1906 (год выхода I т. словаря Майрхофера), надо: 1956; с. XVI: Shavelov prahistory, надо: Shevelov prehistory (опечатка повторяется дважды в одной строке); с. XVII: Balto-slavisches Wörterbuch, надо: Baltisch-slavisches Wörterbuch; с. 1: ссылка на Этимологический словарь славянских языков, вып. 1, с. 33—34, неточно дана как ссылка на пробный выпуск аналогичного брненского словаря — ESlSl, надо: ESSJ; с. 15: франц. *békot*, надо: *bécot*; с. 41: Fraenkel IEW, надо: Fraenkel LEW.

Из своих замечаний по этимологии приведу следующие. Едва ли имеет смысл говорить об «исконном родстве» («urverwandt») междометий в.-луж., н.-луж. *aj* и нем. *ei* и т. д. (с. 3). Современное состояние изучения вопроса о происхождении слав. **baranъ* не дает оснований видеть в нем первоначальное звукоподражание, как думает автор (см. с. 11: «urspr. das Tier, das *bäh-Laute* ausstößt»). Н.-луж. *bacha* 'Fach, Auszugsfach' заимствовано из нем. *Fach*, а не родственно ему (так см. на с. 13). На с. 24 в.-луж. *bođla* мн. 'губки, грибы', н.-луж. *bedlo* (и т. д.) неточно названы «только зап.-слав.», ср. сюда же русск. диал. *блйца, блйцы* 'грибы', см. Фасмер I, 176; ЭССЯ 3, 110. В одном ряду форм, родственных в.-луж. *běrc* 'сборщик налогов, судебный исполнитель', н.-луж. *běric*, чеш. *biřic*, русск. *бирѣч*, словен. *birč*, нельзя ставить ст.-польск. *zbiar, zbiar* 'подручный палач, убийца' (с. 27), которое заимствовано из ит. *sbirro*, как известно уже из словарей Миклошича и Бернекера. Праязыковая реконструкция **medji obъje* на с. 35 неверна, так как переносит в праславянский позднюю назализацию, имевшую место в польском; надо — **medji*. Для меня так и осталось неясным, почему автор счел реконструкцию праслав. **bebъrъ* «предпринятой на основе в.-луж. *běbrъ*» (с. 46), тогда как эта реконструкция в действительности основана на свидетельствах пяти славянских языков, а кроме того, ее поддерживают свидетельства производных форм и ономастики, приводимые в ЭССЯ 1, 173—175 и известные также автору рецензируемого словаря. Нет никаких оснований поэтому для заключения (рец. словарь, с. 47), что это «возможно, не исконное слав. слово, а преобразованное нем. заимствование *bibor* (≤ ср.-в.-нем. *biber*)».

О. Н. Трубачев

Etymologie. Herausgegeben von Rüdiger Schmitt. (Wege der Forschung. Band CCCLXXIII). Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt, 1977, 467 S.

Библиотека практической и теоретической этимологии индоевропейских языков весьма обширна и разнообразна, но теоретические исследования имеют по преимуществу форму статей. Достаточно полного изложения ни теории, ни истории этимологии (как справедливо отмечает один из авторов рецензируемого сборника, В. Зандерс) еще нет. В условиях продолжающегося подъема этимологии этот недостаток обобщающих трудов делается все

более ощутимым как для начинающих исследователей, так и для специалистов. Поэтому представляется вполне актуальным и существенным событием в этимологии выход в свет сборника статей по проблемам этимологии, составленного известным индоевропеистом Р. Шмиттом из ранее публиковавшихся в различных изданиях трудов.

Сборник состоит из краткого введения, восемнадцати статей, библиографии и указателей. Цель сборника его составитель определяет как стремление показать все аспекты этимологического исследования, не ограничиваясь каким-либо одним языком или даже группой языков, но учитывая специфику развития этимологии на почве различных филологий (романской, германской и т. д.) (с. 4—5). На составе сборника отразилась, разумеется, и широта этимологической позиции Р. Шмитта, которая определена во введении так: «Этимология должна прежде всего остерегаться слишком односторонней приверженности к одной из двух крайностей («корневая» этимология для наиболее отдаленного прошлого или — история слова). Она должна скорее объединить обе точки зрения и проследживать историю рассматриваемого слова в целом, принимая во внимание как историю звуков и словообразования, так и историю значений; она должна объяснять связь с обозначаемой реальией и мотивацию слова. . . , рассматривать положение слова в системе лексики (как в общей, так и в частных системах); она не может упускать из вида также лингвогеографические соображения и т. д.» (с. 4). Соответственно в сборник вошли статьи, освещающие различные аспекты этимологии, как традиционные, так и новые (например, опыты формализации этимологических исследований). В некоторых (хотя и немногих) случаях разные статьи выражают весьма отличные, даже противоположные точки зрения относительно одной и той же проблемы (таковы вопросы о роли реконструкции первичной формы и значения в современной этимологии и о возможности синхронной этимологии). Однако всех авторов объединяет убеждение в перспективности развития этимологии и возможности совершенствования ее методов.

Примечательна хронология статей, включенных в сборник: четыре из них написаны в период 1905—1915 гг., две — в 30-е годы, остальные двадцать — в 50-е — 70-е годы. Следовательно, читатель имеет возможность познакомиться с историей этимологической мысли, теоретическими и методологическими поисками этимологии с начала нашего века, но главное внимание обращено на современное состояние этимологической теории и методики.

Авторами статей являются ученые разных стран (в том числе два советских этимолога): В. И. Абаев, К. Бальдингер, Ж. Вандриес, В. Вартбург, Г. Дроздовский, В. Зандерс, Л. Киш, Ф. Клюге, К. Колер, М. Лейман, Г. Ломмель, Я. Малкель, О. Семереньи, Э. Тапполе, О. Н. Трубачев, Р. Турнейзен, С. Ульман, П. Шантрэн.

Корпус статей открывается работой В. Зандерса, посвященной истории европейской этимологии (W. Sanders. Grundzüge und Wandlungen der Etymologie). Это, пожалуй, наиболее полный, хотя и компактный, очерк истории возникновения и развития этимологии как одной из древнейших отраслей языкознания, изменения ее целей и методов, формирования ее терминологии, начиная с античности и кончая 60-ми годами XX в. Основные моменты развития этимологии анализируются в связи с идеологическими и научными веяниями соответствующих времен и народов. Особенно интересным представляется прекрасно иллюстрированный конкретными этимологическими опусами и сопровождаемый обширной библиографией анализ этимологических учений I—XVIII вв. — периода, который, по определению Зандерса, мог бы быть назван мрачными веками этимологии, если бы накопленный за это время материал и опыт не послужил базой для становления и расцвета этимологии как науки в XIX в. (с. 41). Путь, пройденный этимологией, автор подытожил как переход от «простого толкования слова у древних, основанного на вытекающей из звучания и значения слова и по мере необходимости заново устанавливаемой для каждого слова связи понятий», к «пространному толкованию языка, которое должно в рамках общих языковых законов и истории

языка учитывать множество аспектов (таких, как структура слова, звуковые и семантические варианты, родственные индоевропейские связи, синонимические связи, план реалий и т. д.)» (с. 48).

Почти во всех работах этого тома так или иначе освещаются основные задачи и цели этимологических исследований. В своем изначальном смысле этимология — наука об «истинном» значении слова. С усложнением науки само понятие истоков, истинного значения эволюционировало, наполнялось новым содержанием. Накопленный опыт показал, что во многих случаях генетические связи удастся вывести лишь до определенного предела и далеко не всегда поддаются восстановлению первоначального значения и первоначальная форма слова. Поэтому задача этимологии определяется чаще как восстановление самой ранней формы и самого раннего доступного значения безотносительно к первоначальному значению (Абаев, с. 287—288; Szemerényi, с. 288). Этимология не ограничивается данными документированного периода, а реконструирует доисторическое состояние для каждой ветви индоевропейских языков и для индоевропейского языка в целом. В понимании О. Семереңи индоевропейская этимология предполагает исследование в двух направлениях: 1) восстановление первоначальной формы и, если возможно, первоначального значения индоевропейского прототипа и 2) выяснение его последовательной истории до момента первой письменной фиксации родственными языками. Индоевропейский язык понимается как сложная, развитая система, из которой были унаследованы слова, а не корни (Thurneysen, с. 70; Szemerényi, с. 294).

Такую традиционному пониманию этимологии (*étymologie-origine*) противопоставит новый подход к этимологии как истории слова (*étymologie = histoire du mot*). По мысли К. Бальдингера, этимология в современном семантическом смысле — это прежде всего история слова, его биография (Baldinger, s. 218—221). отождествление этимологии с историей слова в основном характерно для романской этимологии, которая исследует языки с длительной письменной традицией (от латинского к романским языкам на протяжении 2 тыс. лет). Естественно, не совсем совпадают задачи этимологии для языков бесписьменных и языков с богатой письменной документацией, но этимология не равна письменной истории слова, и существует принципиальное различие между этимологическим и историческим словарем. Если исторический словарь базируется на данных письменных памятников, то этимология выходит за рамки, очерченные письменной традицией. Проблема реконструкции генетических связей и отношений встает в полном объеме для бесписьменных и младописьменных языков (Абаев, § 2). История слова предполагает восстановление идентичности лексических единиц на всем протяжении исторического развития. Историческая семантика может дать многое для раскрытия внутренней формы слова, но «в случае, когда этимология неизвестна, исследователь *histoire du mot* беспомощен потому, что отсутствие первоначальной формы и значения (= первоначального слова = этимона) лишает его той опоры, которая помогла бы избежать ошибок при восстановлении всего комплекса филиаций» (Szemerényi, с. 294).

Этимология исходит из отдельных, случайно сохранившихся фрагментов, поэтому этимологическое решение всегда носит гипотетический характер. В любом этимологическом словаре присутствуют достоверные, проблематичные, сомнительные, маловероятные. Во многих случаях одно и то же слово имеет не одно этимологическое истолкование. Для большого числа индоевропейских слов этимон остается неизвестным (Абаев, § 8).

Основным методом этимологического анализа является сравнение, сопоставление близкородственных слов и образований в рамках одного языка и нескольких родственных языков (Lommel, с. 157), при этом этимология не может ограничиться с одной м. языком (Kluge, с. 122). Сравнение слов еще не этимология, но часто ведет к этимологии (Kluge, с. 107). Результаты сравнения проецируются на плоскость праязыка. Реконструкция входит в число важных понятий этимологического анализа. Опираясь на сравнительно-исторический метод, этимология при реконструкции исходного этимона оперирует корнями. В индоевропейском языке корень не имел само-

стоятельного существования, это всего лишь вспомогательное средство исследования, лингвистическая абстракция. Конечная цель индоевропейской этимологии (*die indogermanische Altertumskunde*) — реконструкция основного словарного состава языка — основы (Lommel, с. 134).

Фонетический анализ слова является, пожалуй, наиболее древним аспектом этимологического исследования. Общеизвестно, что становление этимологии как науки базировалось на открытии фонетических законов и что, в свою очередь, этимология является основой индоевропейской фонетики и теории аблаута. В настоящем сборнике значение фонетических законов как первого научного основания этимологии освещается Турнейзенем (с. 57—59), Ломмелем (с. 122—123), Абаевым (с. 186). Однако к началу XX в. обнаружение многочисленных нарушений фонетических законов поставило этимологов перед фактом недостаточности этих законов для анализа фонетической структуры слова. Как показывает работа Турнейзена, тогда же была признана необходимость внимания к индивидуальной судьбе слова, связанной с окружающей его лексической средой, что делает анализ менее механистичным (с. 67). Это направление преодоления недостаточности фонетических законов, совершенствования методов фонетического анализа получило дальнейшее развитие в требовании изучать «слабые» фонетические изменения, внимательно фиксировать в этимологических исследованиях спорадические изменения звуков, все те мелочи, которые остаются обычно вне поля зрения грамматики (Malkiel, с. 366—369), и в попытке сочетания фонетического анализа слова с его изучением в лексико-грамматической системе (Kohler, с. 415—418). Малкелем предложена также интересная программа изучения звуковой символики, звукоподражаний и экспрессивных явлений как факторов, существенно влияющих на фонетический облик слова. Предусматривается психологический анализ явлений, вызывающих сильную эмоциональную реакцию, в связи с анализом соответствующей лексики, и собственно лингвистический анализ отклонений от нейтральных форм (Malkiel, с. 375). Несмотря на критику младограмматической концепции о безысключительности фонетических законов, несоответствие предполагаемой этимологической трактовки слова известным фонетическим закономерностям остается и в современной этимологии показателем ненадежности данного решения (Szemerényi, с. 294—297).

Непрерывным и неоспоримым аспектом этимологического исследования признается издавна, значительно ранее научного становления этимологии, словообразовательный анализ (Thurneysen, с. 54—56). Необходимые научные предпосылки этого анализа: знание принципов словообразования, словообразовательных моделей, функций словообразовательных элементов, направления словообразовательных процессов, учет не только родственных анализируемому слову, но и производных от него образований — охарактеризованы в работе Клюге (с. 114—118). На некоторые периферийные явления словообразования, которые представляют особый интерес для этимологии (архаические суффиксы, аномальные соединения морфем) обратил внимание Малкель (с. 370). Но главным предметом обсуждения в этой области стал словообразовательный анализ на индоевропейском уровне. Эта проблема освещена в статьях Ломмеля и Леймана. Как показал опыт этимологизации уже в начале века, теории структуры индоевропейского корня и детерминативов, открыв возможности словообразовательного анализа на индоевропейском уровне, создали одновременно опасность чисто механического неограниченного членения основ, приводящего к однофемным корням, что делает самый анализ неосновательным и неправдоподобным (Lommel, с. 129—130; Leumann, с. 160—162). Исследователи наметили два возможных направления совершенствования анализа: во-первых, ограничение выделения детерминативов случаями надежного тождества корней в рассматриваемых основах (Lommel, с. 131) и возможностью реконструкции функциональной (семантической) нагрузки детерминатива (Leumann, с. 162); во-вторых, поиски цельнопословных соответствий в родственных языках и реконструкция для индоевропейского состояния не корней, а слов (Lommel, с. 132, 134). Однако параллельно отмечена трудность разграничения унаследованных

от индоевропейского праязыка слов от параллельных поздних образований в родственных языках (Leumann, с. 162; Szemerényi, с. 300), крайняя гипотетичность этимологизации слов, реконструируемых для индоевропейского состояния (Leumann, с. 163), и исчерпанность в основном цельнословных соответствий (Leumann, с. 165). Важнейшим условием реальной этимологизации признается максимальное внимание к деталям словообразовательной структуры слова, ее соотношения со структурой родственных образований в других языках и со структурой семантически связанных с данным словом образований (синонимов, антонимов) (Szemerényi, с. 301—306). Последовательный и тщательный словообразовательный анализ рассматривается как одно из средств заполнения пропастей между конкретной лексемой одного индоевропейского языка и индоевропейским корнем, к которому оно возводится (Leumann, с. 167), что является основным пороком корневой этимологии, который Жильберон едко охарактеризовал следующим образом: «Balzac, assis sur les genoux de sa nourrice, était vêtu d'une robe bleue, rayée de rouge. Il écrivit la «Comédie humaine» (Baldinger, с. 219).

В работах этого сборника большое внимание уделяется вопросам семантики в этимологическом анализе. Уже в прошлом веке осознали, что путь к правильной этимологии лежит через глубокое изучение реалий, широкое привлечение историко-семиологического материала. Г. Шухардт считал существенной частью методики этимологических исследований объяснение основных отношений между «вещами и словами», и отводил в этимологии решающую роль семантическому критерию. Для Э. Тапполе одинаково неприемлемо как господствовавшие в этимологии XIX в. подчинение семантики фонетическим законам (ср. работы Тома и Дица), так и выдвигение семантики на первый план. Основа этимологии, по мысли Э. Тапполе, не в с у б о р д и н а ц и и, а в к о о р д и н а ц и и фонетической и семантической стороны языка.

Семантическое содержание каждого слова складывается индивидуально, поскольку отражает наследие прошлого и те процессы, которые характеризуют определенный синхронный срез. Отсюда требование индивидуального подхода к слову в статье Р. Турнейзена. В практике этимологических исследований интерес к судьбе отдельного слова сочетается с попытками наметить некоторые общие принципы исторической семантики. Пути семантических изменений сложны, индивидуальны и не укладываются в рамки строгих правил, законов. Но в разных языках наблюдаются общие тенденции, сходство, повторяемость семантических переходов. Г. Дроздовский видит основную задачу науки в том, чтобы выявить сходные типы семантических изменений, установить индоевропейские параллели в образовании понятий и значений (Drosdowski, с. 210—212). Сходную позицию занимает Э. Тапполе, подчеркивающий важность двух подходов в семантике: 1) изучение понятийного поля, 2) способы выражения сходных понятий в разных языках (Tappolet, с. 95). Для семантического обоснования этимологии, по мысли Э. Тапполе, необходима аргументация историческая и логическая, что предполагает три вида вспомогательных средств: 1) историческая документация, 2) параллельное развитие, 3) априорные соображения (Tappolet, с. 85). Семантическая подвижность и изменчивость затрагивает в разной степени разные пласты лексики. Некоторые лексические группы (названия животных, растений, частей тела и т. п.) отличает семантическая устойчивость, непрерывность во времени с эпохи и.-е. праязыка (ср. Lommel, с. 134; Wartburg, с. 144).

Именно на базе семантических исследований в противовес исторической этимологии складывается так называемая статическая этимология (Шантрэн) или дескриптивная (Ульман). Если классическая этимология ограничивалась лишь установлением начального и конечного момента в эволюции слова, то перед современной наукой стоит более сложная задача всестороннего изучения слова во всем многообразии его производных и отношений к другим группам слов на определенном синхронном срезе (Wartburg, с. 154; Ullmann, с. 436). Статическая этимология делает акцент на тех связях и отношениях, которые характеризуют слово в определенный исторический пе-

риод. Статья П. Шантрэна иллюстрирует и обосновывает это положение, показывает значение для этимологии фактора семантического взаимодействия слов, хронологической стратификации материала. В понимании С. Ульмана разграничение дескриптивного и статического подхода имеет прямое отношение к синонимии и омонимии: омонимии современного языка нередко соответствует полисемия на определенном историческом срезе, и, наоборот, полисемия может быть источником омонимии (Ullmann, с. 423—426). С. Ульман выдвигает принцип ассоциативной семантики, ассоциативного поля. Включение слова в ассоциативное поле 1) позволяет выявить случаи псевдо-семантического развития, 2) помогает решению этимологических трудных вопросов, 3) вносит уточнения в общепринятые этимологии. На базе структурной семантики С. Ульман разрабатывает вопрос о разных типах мотивации (звукотраждение, морфологическая, семантическая), о принципах их изменений. Особое значение придается субъективным ассоциациям, которые нередко приводят к оживлению старых этимологических связей особенно в поэтическом творчестве.

В трактовке С. Ульмана представляется неудовлетворительно резкое противопоставление исторической этимологии, занимающей происхождением слова, и статической этимологии, основанной на формальных и семантических ассоциациях (Ullmann, с. 428). Едва ли оправдано выдвижение на первый план статической этимологии, так как конечная цель этимологии—реконструкция этимона — может быть достигнута только путем применения исторического метода. Этимология опирается на данные исторической лексикологии, исторической грамматики, хотя этимология не тождественна этим историческим дисциплинам и имеет свои задачи. В этой связи уместно привести мнение Я. Малькеля: «Но синхронная этимология, несмотря на авторитет Вандриеса, не что иное, как парадокс» (Malkiel, с. 347).

Все большее проникновение в теорию этимологии принципы системной организации лексики и осознание связи истории слова с его лексическим окружением выразилось в углубленном понимании явления контаминации, скрещения. Еще в начале века оно было для этимологов лишь аномалией, нарушающей действие фонетических законов. Работы Вандриеса и Балдингера показывают, что системный подход к лексике вскрывает в контаминации и скрещении закономерное следствие ассоциативных связей фонетически или семантически близких слов: семантическая близость определяет фонетические трансформации и формальное сближение (Baldinger, с. 229, 233—236), омонимическое сближение усиливается сближением значений до полного скрещения (Vendryes, с. 171, 175).

Как порождение синхронных ассоциативных связей слов толкуется и народная этимология (Chantraine, с. 399; Ullmann, с. 429). Вандриес, однако, видит принципиальное отличие народной этимологии от скрещения в том, что народная этимология возникает из непонимания формы и значения слова и появляется собственно в речи, тогда как скрещение — явление языка (с. 174—175). Впрочем, рассмотрение народной этимологии не входит в круг задач, определенных для сборника его составителем (Einleitung с. 5).

Принцип «Wörter und Sachen», выдвинутый в 19 веке как средство преодоления кабинетного, умозрительного характера этимологизирования, получил в XX в. дальнейшее развитие и углубление в этимологической теории и практике. Современная этимология требует не только соответствия предлагаемых решений миру реальных, историческому уровню (Абаев, с. 194—197; Wartburg, с. 145), но и выяснения общественных, социальных, культурных условий возникновения и дальнейшего бытования слова, поскольку только на такой основе возможна реальная реконструкция истории слова, изменений его формы и значения (см. тонкие наблюдения и толкования конкретного лексического материала: Wartburg, с. 138—140; ср. также Baldinger, с. 240—243). Объединение истории слова с историей человека, осознание генетической связи истории словарного состава со всеми сферами человеческой деятельности является, по Балдингеру, важнейшим принципом и условием прогресса современной этимологии, который требует контакта этимологии с самыми различными отраслями знаний (Baldinger, с. 237, 246; см. также

Malkiel, с. 375—376). Одновременно отмечается двусторонняя направленность этого контакта: этимология не только опирается на данные других наук, но может дать истории (равно и истории материального производства, и истории духовной культуры) ценные сведения (Абаев, с. 197—198). Особенно существенна в этом отношении реконструкция лексики индоевропейских языков дописьменного периода, поскольку она является единственным источником для суждения о географических условиях жизни, контактах и передвижениях, общественном и политическом укладе, культуре и религии древних народов (Lommel, с. 134; Leumann, с. 164). Этимология может быть основой для изучения формирования человеческого сознания (Drosdowski, с. 211), для реконструкции древнейшей модели мира.

Этимология следует общей эволюции лингвистики. Основной постулат современной лингвистики состоит в том, что язык не набор отдельных элементов, а структура, система отношений взаимосвязанных элементов. Требование системного подхода уже давно стало основным и определяющим в этимологических исследованиях, при этом для этимологии оказываются действенными системы самых различных языковых уровней (формальные, семантические, ономастические, понятийные) (Baldinger, с. 223). В наше время этимологию потеснили современные структурные направления в языкознании, но в последние десятилетия наблюдается оживление этимологических исследований. Возрождение этимологии, укрепление ее позиций в науке исследователи связывают с обновлением методики и теории этимологических исследований. В критический момент реорганизации человеческих знаний этимология нуждается в прочном теоретическом фундаменте (Malkiel, с. 376). В теоретическом осмыслении этимологии исследователи идут разными путями.

К. Колер считает, что единственная возможность поставить этимологию на прочную базу, свободную от всяких проявлений субъективизма, — это определить ее место в общей теории языка. Лингвистическая теория оперирует законами, и одним из ее постулатов является фонетический закон. Колер трактует фонетический закон как теоретический конструкт, как обобщение эмпирических данных, факт метаязыка лингвистики, а не самого языка. Дальнейшее развитие и совершенствование этимологии К. Колер ставит в зависимость от введения в науку других постулатов.

В работе О. Семереньи дается по существу типологическое обобщение опыта этимологических исследований. Он формулирует шесть принципов, которые определяют правила применения в конкретном анализе фонетических, словообразовательных, семантических и географических критериев. Географический критерий развернут в виде трех принципов и основан на опыте лингвогеографического изучения индоевропейской лексики. Сам автор осознает, что выдвинутые им принципы не исчерпывают всего опыта этимологии. Они лишь предохраняют против не критического отношения к общепринятым сравнениям и показывают те возможности, которыми располагает исследователь. Лишь комплексное применение всех обозначенных критериев — условие надежности этимологического решения. Эти положения О. Семереньи иллюстрирует большим конкретным материалом и убедительно показывает ненадежность, недостоверность многих общепринятых этимологий, в системе доказательств которых не учитывается тот или иной критерий.

Я. Малькель дает интересное освещение вопроса о соотношении субъективного и логического в этимологии. Перспективы этимологии Я. Малькель видит в углублении общей теории, установлении этимологических универсалий, разработке типологии этимологических исследований, типологии проблем и решений. Экономному и точному изложению результатов исследования помогает применение новых вспомогательных средств (генерализация и стандартизация). Из того факта, что этимология оперирует гипотетическими построениями, реконструкциями, вытекает элемент случайности, субъективности в оценке этимологического решения. Этимология в большей степени, чем грамматика, связана с проявлением индивидуальных особенностей исследователя, его таланта, способности к острому и неожиданным решениям, предполагает знание законов развития языка и широкую культурно-историческую подготовку. В трактовке Я. Малькеля этимология —

наука и искусство. Работа Я. Малькеля — один из первых опытов теоретического осмысления составных частей основного корпуса этимологических исследований.

Статья Л. Киша знакомит читателя с опытом формализации и математизации этимологии, приближения ее к точным наукам. Предлагаемые в работах Росса, Хэмпа, Рудницкого математические формулы для выражения этимологических решений дают упрощенное представление об этимологии слова. Они исключают из рассмотрения, как показал В. Н. Топоров, 1) структурные правила морфо-семантического поля, 2) законы развития слова, 3) внутрисистемные отношения и многие другие аспекты (Kiss, с. 380). В механические правила не укладывается интуиция исследователя, его способность открывать новые неожиданные связи, отношения. «Этимологические исследования, конечно, не могут быть сведены к точным, определенным математическим формулам», — замечает О. Семереньи (Szemerényi, с. 346). Осознавая недостатки этого подхода, Л. Киш видит в формализации один из способов построения типологии этимологических исследований.

Важность географического критерия в этимологических исследованиях подчеркивается многими авторами этого сборника (ср. Wartburg, с. 141; Szemerényi, с. 325, 335). Этой проблеме целиком посвящена статья О. Н. Трубачева «Лингвистическая география и этимологические исследования», опубликованная впервые в 1959 г. на страницах журнала «Вопросы языкознания». Лингвистическая география, исследующая распространение языковых явлений, процессы интерференции на смежной территории, является дополнительным критерием, «необходимость в котором тем выше, чем обрывочнее материал и чем сложнее выводы самого исследования» (с. 285). Этимология и лингвистическая география тесно взаимосвязаны и взаимно обогащают друг друга. Критерий распространенности слова очень важно иметь в виду при решении вопроса, является ли изучаемое слово исконным в языке или заимствованным, и если заимствованным, то из какого языка и какого диалекта языка-источника (Wartburg, с. 142—143). Локально ограниченные этимологические соответствия, охватывающие лишь часть исследуемой территории, дают новый материал для освещения ряда проблем и, в частности, для реконструкции диалектной карты языка-основы. При изучении взаимоотношений между диалектами, особенно в условиях языкового союза, важное значение имеет положение лингвистической географии о распространении инноваций из центра иррадиации путем субституции. С этим положением связано методологически важное разграничение явлений унаследованных и новых. Факты лингвистической географии важны при изучении этнонимов и исследовании этногенетических проблем.

К сборнику приложена библиография (153 названия), в которую вошли работы общеметодологического характера. Основную часть библиографии составляют исследования последних трех десятилетий с начала 50-х годов, хотя в общем списке представлены работы прошлого века, первой половины нашего столетия и одна работа XVIII в. (под номером 3). Избирательный характер библиографии определяется общей установкой сборника: отобраны лишь те исследования (статьи, монографии), которые имеют отношение к проблематике, обсуждаемой на страницах настоящего тома.

В целом сборник удачным подбором статей дает панорамный обзор состояния этимологии в исторической перспективе на всем протяжении нашего века от кризиса младограмматизма до утверждения структурных направлений в языкознании. Внутреннее развитие этимологии шло в общем русле лингвистических исканий. Если в начале века в полемике с младограмматиками исследователи обсуждали возможности фонетического критерия и обосновывали необходимость и обязательность учета в этимологии разных факторов, в том числе фонетического, то в наше время можно считать вполне доказанным и утвердившимся положение об этимологии как науке сложной, опирающейся в своей методике на синтез разнообразных критериев и широкие культурно-исторические знания. Если в прошлом господствовал исторический подход к фактам языка, то с появлением структурных методов основной интерес переместился в область синхронии. Структурное языко-

знание обогатило этимологию положением о системном характере языковых отношений на всех уровнях, но вместе с тем установка на исследование синхронных структур вызвала к жизни такое понятие, как статическая этимология, понятие, ограничивающее задачи и цели этимологии. Этимология — наука прежде всего историческая, но реконструкция этимона предполагает исследование системных отношений разных синхронных срезов. Из работ последних десятилетий видно, что усилия этимологов направлены на углубленную разработку основных этимологических критериев и установление принципов взаимодействия, взаимозависимости различных критериев в ходе лингвистического анализа. На очереди построение общей типологии и теории этимологических исследований. С этим связан интерес к вопросу об отношении этимологии к точным наукам, к вопросу о том, как и в какой степени возможна формализация исследовательского процесса.

Этимология вступает в качественно новый период своего развития. Свидетельство тому — оживление интереса к этимологии, твердое осознание комплексного характера этимологической науки и первые опыты типологических построений.

Ж. Ж. Варбот, Л. В. Куркина

Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X—XI вв. М., 1977, 336 с.

Рецензируемая монография Р. М. Цейтлин, известного палеослависта-лексиколога и лексикографа, безусловно, представляет значительный вклад в изучение лексики и словообразования старославянского языка. Начинаясь с небольшого предисловия и завершающаяся рядом приложений, она состоит из трех частей. В вводной части «Общая характеристика словарного состава» (с. 7—67) автор ставит и разрешает ряд вопросов, связанных с общей проблематикой исследования. В первом разделе этой части Р. М. Цейтлин вновь возвращается к выяснению значения термина «старославянский язык», который понимается «различными исследователями многозначно» (с. 7). Сам автор определяет старославянский как «письменно-литературный язык, которым владели книжники культурных центров Юго-Западной (Македонской) и Восточной Болгарии конца X—XI в. и на котором написаны древнеболгарские рукописи этого времени» (с. 12).

И хотя такое понимание термина «старославянский язык», конечно, имеет определенные основания, однако рецензент не может его разделить с автором монографии. Старославянский как литературно-письменным языком владели книжники разных культурных центров, в том числе и прежде всего там, где протекала деятельность самих славянских просветителей, в Моравии и Паннонии. Такое ограничительное понимание термина «старославянский язык» связано у Р. М. Цейтлин с тем, что непосредственными и прямыми источниками для нее являются лишь 17 памятников древнеболгарского извода, определяемого, как известно, в основном фонетическими показателями. Памятники X—XI вв. других изводов, «в том числе и те, древнеболгарское происхождение которых несомненно» (с. 14), отнесены Р. М. Цейтлин к церковнославянским. При таком определении объема исследуемых рукописей возникает естественный и закономерный вопрос, насколько репрезентативны данные этих памятников для описания лексической системы литературно-письменного языка, каким владели книжники Болгарии в двух ее культурно-исторических центрах. Ведь хорошо известно, что собственно древнеболгарские памятники «представляют собою ж а л к и е (разрядка моя. — Т. И.) остатки некогда, без сомнения, обширной духазвучной древнеболгарской письменности, случайно сохранные судьбою от гибели в разных местах вне